

*Джулии Мэрфи за то,
что заботилась о Гриффине и Линдсей
с такой любовью, бесконечным терпением
и умением... За то, что посвятила
свои многочисленные таланты
деловой стороне моей карьеры...
За то, что стала нам родной...
И больше всего за то, что ты — это ты.
Всегда любящая
Л.К.*

Пролог

Лондон, 1841 год

Хотя Аннабел Пейтон всю жизнь предупреждали о том, что брать деньги у незнакомых людей ни в коем случае не следует, однажды она все-таки сделала исключение... и почти сразу же поняла, что благоразумнее всего было бы послушать совет матери.

В этот день у ее брата Джереми не было занятий, что случилось крайне редко, и оба, как это было у них заведено, отправились посмотреть новую панораму на Лейстер-сквер. Две недели жесточайшей экономии на хозяйственных расходах — и они смогли накопить достаточно, чтобы заплатить за билеты.

Как единственные оставшиеся в живых отпрыски семьи Пейтон, Аннабел с братом были необычайно близки, даже несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Детские болезни унесли жизни двух малышек, родившихся после Аннабел. Ни один не отпраздновал своего первого дня рождения.

— Аннабел, — спросил Джереми, отойдя от кассы, — у тебя еще остались деньги?

Сестра покачала головой и вопросительно вскинула брови.

— Боюсь, ни пенса. А что?

Джереми с тяжелым вздохом откинул упавшую на лоб прядь волос цвета светлого меда.

— Они удвоили цену, очевидно, панорама обошлась дороже, чем все остальное.

— Но в газете ничего об этом не говорилось, — негодовала Аннабел и, понизив голос, добавила: — Ад и проклятие!

После чего принялась рыться в ридикюле в надежде найти завалявшуюся монету.

Двенадцатилетний Джереми бросил мрачный взгляд на гигантскую афишу, висевшую над украшенным колоннами входом театра панорамы:

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ МАКСИМАЛЬНАЯ ПРИБЛИЖЕННОСТЬ К РЕАЛЬНОСТИ ДИОРАМИЧЕСКИЕ ВИДЫ

Целую неделю, с самого открытия новой панорамы, театр осаждали зрители, которым не терпелось увидеть чуда Римской империи и ее трагическое падение.

— Все равно что путешествие назад во времени! — восторгались они.

Панорама обычного рода заключалась в простом созерцании холстов, развешанных в круглой комнате и дававших возможность рассмотреть всю историю того или иного события. Иногда, чтобы добавить зрелищу увлекательности, использовались музыка и специальное освещение. Лектор, переходя от одной картины к дру-

гой, живописал дальние страны или знаменитые

6 сражения.

Однако, если верить «Таймс», новая постановка была диорамой, а это означало, что холсты сделаны из прозрачного промасленного ситца и в зале установлена специальная подсветка. Триста пятьдесят зрителей стояли в центре на круге, который очень медленно вращали два человека. Причудливая игра света, посеребренное стекло, фильтры и актеры, нанятые на роли осажденных римлян, создавали так называемый эффект присутствия. Судя по тому, что читала Аннабел, последние трагические моменты искусно симитированного извержения вулкана оказывались настолько реалистичными, что некоторые женщины впадали в истерику или лишались чувств.

Взяв ридикюль у расстроенной сестры, Джереми затянул тесемки и отдал сумочку обратно.

— У нас хватает на один билет, — деловито заметил он. — Иди. Я все равно не слишком-то хотел увидеть эту чушь.

Хорошо понимая, что брат лжет ради нее, Аннабел покачала головой.

— Ни за что. Это ты иди. Я могу увидеть панораму в любой день. А вот ты вечно пропадаешь в школе. А спектакль продолжается всего четверть часа, которые я и проведу в ближайшей лавке.

— Идти за покупками без денег? — скептически усмехнулся Джереми. — Ничего не скажешь, веселая затея.

— Главное — не покупать, а рассматривать, — пояснила Аннабел.

— Именно этими словами бедняки утешают себя, гуляя по Бонд-стрит, — фыркнул Джереми. — Кроме того, я не оставлю тебя одну, иначе все мужчины в округе не дадут тебе покоя. И хорошо, если еще

будут только глазеть. Непременно найдется тот, который на тебя набросится.

— Не будь дурачком, — отмахнулась Аннабел.

Брат вдруг расплылся в улыбке. Его взгляд скользнул по тонко очерченному лицу, синим глазам и массе забранных наверх локонов, переливавшихся коричнево-золотым цветом осенней листвы под узкими полями шляпки.

— Передо мной хотя бы не разыгрывай чопорную мисс! Твоя притворная скромность меня не обманет. Ты прекрасно сознаешь силу собственного воздействия на мужчин и, насколько мне известно, не стесняешься ею воспользоваться.

— Ах вот как? — делано нахмурилась Аннабел. — Насколько тебе известно?! Откуда ты, спрашивается, знаешь о моих отношениях с мужчинами, если целыми днями торчишь в школе?

Джереми, мгновенно став серьезным, выпрямился.

— Теперь все переменится. На этот раз я не вернусь в школу. И поверь, смогу куда больше помочь тебе и маме, найдя работу.

Аннабел тихо ахнула:

— Джереми, ты ничего подобного не сделаешь! Это разобьет мамино сердце, и будь папа жив...

— Аннабел, — упрямо перебил он, — у нас нет денег. Мы даже не можем наскрести лишних пяти шиллингов на билет в панораму...

— Хорошую же ты работу себе найдешь, — съязвила Аннабел, — ни образования, ни связей, ни влиятельных знакомых. Если не собираешься убирать улицы

или стать рассыльным, лучше оставайся в школе,

8 пока не созреешь для более приличных занятий.

А я тем временем найду богатого джентльмена, выйду за него, и все будет хорошо.

— Прекрасного мужа ты найдешь без приданого, ничего не скажешь, — парировал брат.

Они уставились друг на друга, как два упрямых барана, и стояли так, пока не открылись двери. В круглый зал ринулась толпа зрителей. Осторожно обняв Аннабел за плечи, Джереми увел ее, чтобы не попасть в самую давку.

— Забудь про панораму, — резко велел он. — Развлечемся кое-чем иным. И деньги тратить не придется.

— Чем именно?

Оба задумались. И когда стало ясно, что ни у кого нет свежих идей, оба взорвались смехом.

— Мистер Джереми, — раздался низкий голос за спиной мальчика.

Все еще улыбаясь, Джереми обернулся.

— Мистер Хант! — с искренней сердечностью вскричал он, протягивая руку. — Удивительно, что вы меня еще помните.

— Я тоже удивлен вашей памятью. С нашей последней встречи вы стали выше на целую голову!

Мужчина пожал руку Джереми.

— Отпустили с занятий?

— Да, сэр.

Видя смущение Аннабел, Джереми прошептал ей на ухо, пока высокий джентльмен жестом показывал друзьям, чтобы шли в театр без него:

— Мистер Хант — сын мясника. Я два раза встречал его в лавке, когда мама посылала меня за мясом. Будь с ним вежлива: он замечательный парень.

Озадаченная, Аннабел невольно подумала, что для сына мясника Хант на удивление хоро-

шо одет: в дорогой черный сюртук и модные, свободно скроенные брюки, которые, однако, не скрывали очертаний мускулистых ног. Как почти все остальные мужчины, входившие в театр, он уже успел снять шляпу, обнажив темные густые слегка волнистые волосы. Интересный мужчина: высокий, ширококостный, лет тридцати, с резко очерченными чертами лица, длинным носом, широким ртом и глазами такими черными, что зрачок сливался с радужкой. Лицо сильного человека. В глазах светился сардонический юмор, не имевший ничего общего с легкомыслием. Губы слегка кривились в насмешливой улыбке. Даже постороннему наблюдателю было ясно, что этот человек редко сидит сложа руки: и тело, и характер выкованы тяжким трудом и честолюбием.

— Моя сестра, мисс Аннабел Пейтон, — представил Джереми. — А это мистер Саймон Хант.

— Рад знакомству, — пробормотал Хант с поклоном.

И хотя его манеры были безупречно учтивы, глаза блеснули так странно, что у Аннабел екнуло сердце. Сама не зная почему, она крепче прижалась к брату, хотя все-таки догадалась кивнуть.

К собственному смущению, она обнаружила, что не может отвести от него глаз. Они словно узнали друг друга после долгой разлуки, хотя никогда не встречались раньше... но судьба почти сводила эту пару несколько раз, пока наконец не вынудила их дороги пересечься. Станный каприз, отмахнуться от которого она, впрочем, не захотела. Ошеломленная, обессиленная, она оставалась беспомощной пленницей его пристального взгляда, пока щеки не налились

10 стыдливым жарким румянцем.

Хант, продолжая смотреть на Аннабел, спросил Джереми:

— Могу я проводить вас в зал?

После нескольких мгновений неловкого молчания Джереми с деланой небрежностью ответил:

— Спасибо, но мы решили не идти на спектакль.

Темная бровь Ханта вопросительно изогнулась.

— Уверены? Представление обещает быть интересным.

Он перевел пронизательный взгляд с Аннабел на Джереми, верно угадав причину такого внезапного нежелания развлечься. Голос его мгновенно смягчился:

— Разумеется, существует правило никогда не обсуждать подобные дела в присутствии леди. И все же я не могу не спросить... возможно ли, юный Джереми, что вас застигло врасплох повышение цен на билеты? Если так, я более чем счастлив одолжить вам...

— Нет, спасибо, — поспешно вмешалась Аннабел, безжалостно вонзая локоть в бок брата.

Джереми, поморщившись, учтиво склонил голову:

— Я ценю ваше предложение, мистер Хант, но моя сестра не желает...

— Не желает идти на представление, — холодно докончила Аннабел. — Я слышала, что некоторые эффекты чересчур грубо поставлены и доводят женщин до обмороков. Предпочитаю мирную прогулку в парке.

В глубоко посаженных глазах Ханта мелькнуло нечто, напоминавшее издевку.

— Вы так робки, мисс Пейтон?

Раздраженная скрытым вызовом, девушка настойчиво дернула брата за руку:

— Нам пора, Джереми. Не будем задерживать мистера Ханта. Он, конечно, торопится в театр...

— Боюсь, это не доставит мне никакого удовольствия, — мрачно заверил Хант, — если вас не будет рядом. — И, ободряюще кивнув Джереми, добавил: — Мне невыносима сама мысль о том, что из-за нескольких жалких шиллингов вы с сестрой лишитесь такого зрелища.

Чувствуя, что брат слабеет, Аннабел злобно прошептала ему на ухо:

— Посмей только позволить ему заплатить за билеты!

Но Джереми, игнорируя ее, чистосердечно признался:

— Сэр, если я приму ваше предложение, не уверен, когда смогу отдать долг.

Аннабел закрыла глаза и тихо застонала, стора от унижения. Она так старалась не выдать их отчаянного положения... а сознавать, что теперь этому человеку известно, как дорог им каждый шиллинг, было просто невыносимо.

— Никакой спешки, — беспечно заверил Хант. — В следующий приезд из школы зайдете в лавку отца и оставите деньги у него.

— В таком случае я согласен, — с очевидным облегчением выдохнул Джереми, пожимая руку Ханту. — Огромное вам спасибо.

— Джереми... — начала Аннабел тихим, но убийственным тоном.

— Ждите здесь, — бросил Хант, устремляясь к кассе.

— Джереми, ты прекрасно знаешь, насколько неприлично брать деньги у чужого человека, — прошипела Аннабел, видя, что брат не намерен раскаяться

и идти на попятную. — О, как ты мог! Сознание

того, что мы в долгу у подобного человека, просто непереносимо!

— Что значит «подобного»? — с невинным видом возразил брат. — Говорю же, он замечательный парень... о, полагаю, это потому, что он из низов? — Улыбка сожаления скривила его губы. — Знаешь, вряд ли можно поставить это ему в упрек, тем более что он безумно богат. Да и мы, сестрица, не слишком уж высокородны. Титула, во всяком случае, у нас нет. Так, болтаемся на нижних ветвях генеалогического древа, что означает...

— Как это сын мясника может быть безумно богат? — перебила Аннабел. — Вероятно, население Лондона потребляет куда больше говядины и бекона, чем я до сих пор считала, но на этом состояния не сделаешь.

— Прости, но я не говорил, что он работает в лавке отца, — снисходительно сообщил Джереми. — Только то, что мы там встречались. Он предприниматель.

— То есть спекулянт? Или играет на бирже?

Аннабел нахмурилась. В обществе, где считалось вульгарным думать или говорить о предметах меркантильных, человек, занимавшийся финансовыми инвестициями, считался дурно воспитанным мужланом.

— Нет, там что-то немного иное, чем спекуляции. Полагаю, совершенно не важно, что он делает и как много на этом зарабатывает, поскольку рожден в семье простолюдина.

Услышав критические нотки в голосе брата, Аннабел угрожающе прищурилась.

— Ты положительно становишься демократом, Джереми, — сухо заметила она. — И незачем вести себя так, будто я такая уж жалкая снобка: поверь, я стала бы возражать, даже если бы сам герцог пытался

одолжить нам деньги на билеты. Дело не в положении человека, а в принципах.

— Ну, против герцога ты наверняка возражала бы не так горячо, — хихикнул Джереми, любуясь растерянным лицом Аннабел.

Возвращение Саймона Ханта положило конец перепалке. Обозревая сестру и брата темными живыми глазами, он слегка улыбнулся:

— Все в порядке. Пойдем?

Джереми украдкой подтолкнул Аннабел, и та неловко дернулась.

— Прошу вас, не считайте себя обязанным сопровождать нас, мистер Хант, — пробормотала она, отчетливо сознавая, какой невежливой должна казаться в глазах этого человека. Но было в нем что-то такое, посылавшее сигналы тревоги по и без того натянутым нервам. Он не казался ей достойным доверия... мало того, несмотря на элегантную одежду и приглаженную внешность, он выглядел не слишком цивилизованным человеком. Человеком того типа, с которым хорошо воспитанная женщина никогда не захочет остаться наедине. И ее восприятие Саймона не имело ничего общего с его происхождением или положением: просто инстинктивное осознание его физической силы и мужского темперамента, явно оказавшихся чересчур для нее чуждыми, не давало покоя.

— Уверена, — смущенно продолжала она, — что вам не терпится присоединиться к своим спутникам.

Хант лениво пожал широкими плечами.

— В такой толпе я никогда их не найду.

Аннабел могла бы возразить, указав, что, как
14 один из самых высоких людей в публике, Хант,

возможно, без труда мог бы увидеть своих друзей, но было очевидно, что спорить с ним бесполезно. Выхода нет: придется смотреть представление в компании Ханта.

Однако при виде неподдельного волнения Джереми настороженная неприязнь несколько померкла, а голос смягчился.

— Простите, я не хотела показаться грубой. Просто не люблю быть обязанной незнакомым людям.

Хант бросил на нее проницательный взгляд, отчего Аннабел снова растерялась.

— Прекрасно вас понимаю, — кивнул он, проводя ее через толпу. — Однако в этом случае вы ничем мне не обязаны. И мы не совсем чужие: ваши родные много лет способствовали процветанию бизнеса моего отца.

Они вошли в большое здание и ступили на массивный вращающийся круг с поручнями и оградой из кованого железа, отделенный от картин полосой в двенадцать ярдов. По стенам были развешаны сцены из римской жизни. На полосе были размещены сложные механизмы, что вызвало возбужденные замечания зрителей. Как только собрались все, в комнате мгновенно стало темно. Послышались взволнованные охи и ахи, раздалось тихое жужжание механизмов, и обратная сторона холстов озарилась голубым сиянием. Пейзажи тут же обрели объем, производя неожиданное впечатление полной реальности, испугавшее Аннабел. Она почти поверила, что они стоят под жарким небом Италии. Появились несколько актеров в тогах и сандалиях, и лектор стал излагать историю Древнего Рима.

Диорама оказалась еще более завораживающей, чем рассчитывала Аннабел. И все же она